

РЕЭМИГРАЦИЯ РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ ИЗ ДОБРУДЖИ: «БОЛГАРСКИЙ» ЭТАП 1946 Г. (ПО АРХИВНЫМ ДАННЫМ)

Александр Анатольевич Пригарин

Доктор исторических наук, доцент,
УН Центр социальной антропологии,
Российский государственный гуманитарный
университет

Почтовый адрес: Миусская пл., 6,
Москва, 125993, Россия

Электронный адрес: prigarin.alexand@gmail.com

Аннотация

В статье на основе опубликованных и архивных источников реконструируется малоизвестный сюжет возвращения русских старообрядцев из Болгарии в СССР в 1946 г. Базовыми документальными свидетельствами выступили посемейные списки переселенцев, составленные в ходе переселения. Их эвристический потенциал позволяет рассматривать процесс репатриации на уровне отдельных партий, поселков и домохозяйств. В целом болгарская группа диаспорного русского населения Европы является относительно немногочисленной. Она сформировалась задолго до возникновения современного национального государства. Стремясь спасти свою религиозную самобытность, липоване и некрасовцы на протяжении XVIII — первой половины XIX в. освоили ряд османских территорий (Балканы и Анатолия). В это время в Добрудже сформировался десяток поселений, среди которых было и с. Татарница возле Силистры. Практически перманентная мобильность на уровне как общин, так и отдельных семей приводила к масштабным перераспределениям человеческого ресурса между различными регионами Османской Порты и смежных территорий. Так, например, в начале XX в. возник поселок Казашко около г. Варна. Когда в Болгарию вошла Красная армия (1944–1945 гг.), среди ее офицеров возникла идея «возвращения» на историческую Родину бывших соотечественников-старообрядцев. В 1946 г. около половины от всей численности этноконфессиональной группы Болгарии с помощью советской власти реэмигрировала в пределы Украинской ССР. Несмотря на актуальность внимания к подобной оригинальной группе «Русское зарубежье» и к теме «реэмиграции», обстоятельства, процесс и результат этого переселения оставались без должного документального описания. Этот сюжет следует рассматривать в общем контексте репатриации русских старообрядцев из Добруджи (из Румынии подобные переселения были осуществлены в 1945 и 1947 гг.).

Ключевые слова

Болгария, СССР, старообрядцы, реэмиграция, этноконфессиональность, диаспора, липоване, некрасовцы, русские старообрядцы в Болгарии, русские старообрядцы в Румынии, Добруджа, УССР

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01663, <https://rscf.ru/project/24-28-01663/>, проект «“Доместикация советского”: опыт репатриации старообрядцев из Европы и адаптации в СССР».

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2024 г.

Статья доработана автором 25 ноября 2024 г.

Статья принята в печать 10 декабря 2024 г.

Цитирование: Пригарин А. А. Реэмиграция русских старообрядцев из Добруджи: «болгарский» этап 1946 г. (по архивным данным) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 96–118. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.05>

THE RE-EMIGRATION OF OLD BELIEVERS FROM DOBRUDJA: “BULGARIAN” STAGE 1946 (BASED ON ARCHIVAL DATA)

Aleksandr A. Prigarin

D. Sc., associate professor,
ERC of Social Anthropology,
Russian State University for the Humanities
Postal address: Miuskaya sq., 6,
Moscow, 125993, Russia
E-mail: prigarin.alexand@gmail.com

Abstract

The article is based on published and archival sources reconstructs a little-known story of the repatriation of Russian Old Believers from Bulgaria to the USSR in 1946. The basic documentary evidence was the family lists of migrants compiled during the resettlement. Their heuristic potential allows the author to consider the process of repatriation at the level of households, groups and villages. In general, the Bulgarian group of the Russian diaspora population of Europe is relatively small. It was formed long before the emergence of the contemporary national state. In an effort to save their religious identity, the Lipovans and Nekrasovites during the 18th — first half of the 19th centuries populated some Ottoman territories (the Balkans and Anatolia). At this time, a dozen settlements were formed in Dobrudja, including Tataritsa near Silistra. At the level of communities and individual families there was almost permanent mobility that led to large-scale redistribution of human resources between different regions of the Ottoman Porte and adjacent areas. For example, at the beginning of the 20th century, the village of Kazashko appeared near Varna. When the Red Army entered Bulgaria (1944–1945), the idea of the return of Old Believers to their historical homeland arose among its officers. In 1946 with the help of the Soviet Union about half members of the ethno-confessional group from Bulgaria re-emigrated to the Ukrainian SSR. Despite the attention to such an original group of the “Russian Diaspora” and to the topic of “re-emigration”, the circumstances, process and result of this resettlement is still without proper documentary presentation. This story should be considered in the general context of the repatriation of Russian Old Believers from Dobrudja (similar resettlements from Romania were carried out in 1945 and 1947).

Keywords

Bulgaria, USSR, Old Believers, re-emigration, ethno-confessionality, diaspora, Lipovans, Nekrasovites, Russian Old Believers in Bulgaria, Russian Old Believers in Romania, Dobrudja, Ukrainian SSR

Funding

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01663, <https://rscf.ru/project/24-28-01663/>, project “«Domestication of the Soviet»: the Experience of Repatriation of Old Believers from Europe and Adaptation to the USSR”.

Received 11 September 2024

Revised 25 November 2024

Accepted 10 December 2024

For citation: Prigarin, A. A., 2024. The Re-emigration of Old Believers from Dobrudja: “Bulgarian” stage 1946 (Based on Archival data). *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 96–118. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.05>

«ОСКОЛКИ “РУССКОГО МИРА”»: ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

Когда наука оперирует категориями «Русский мир», «Русское зарубежье» или «диаспора русского народа», то, как правило, апеллирует к недавнему историческому опыту, не выходя за политологические и хронологические рамки новейшего времени (наиболее устойчивыми понятиями являются «белая эмиграция» или «советские граждане»). В этом контексте не стоит забывать о старейшей и добротной структурированной этноконфессиональной группе русских — старообрядцах. Именно стараниями этих религиозных диссидентов с конца XVII в. воспроизводится идея «колонизации» как внутренних, так и сопредельных (а иногда — очень даже далеких) пространств. В результате многие из подобных общностей сформировались намного ранее современных границ и государств Европы (стран Балтии, Польши, Украины, Молдовы, Румынии, Болгарии, Турции и т.д.). «Липования» и/или «Град Некраса» распространились широко, создав мощные анклавные русско-традиционалистской культуры в Буковине, Бессарабии, на Дунае, в Добрудже, Анатолии и др.

Еще одним аспектом актуальности является тема «реэмиграции», или возвращения своих соотечественников в российские пределы. Старообрядческий людской ресурс уже неоднократно привлекался для освоения различных пространств рядом центральных властей и региональных администраций в широком ареале Евразии начиная с 1730-х гг. Неоднократные «возвращения» из-за границы характерны были и для липованско-некрасовского сообщества. В этом ряду реэмиграция части этого старообрядческого населения в 1946–1947 гг. в СССР вполне укладывается в историческую логику развития группы.

Этот же локальный сюжет вполне укладывается и в осмысление общих масштабных процессов «репатриации соотечественников» из Европы в СССР¹. Кроме непосредственного возвращения советских граждан, осу-

¹ Решетников С. В. Репатриация советских граждан и участников движения Сопrotивления из Франции в СССР // Новейшая история России. 2023. Т. 13. Вып. 3. С. 745–758. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.313>; Шевяков А. А. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920–1950-е гг.: численность, потери, миграции / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: Институт российской истории РАН, 1994. С. 197–199; Маркдорф Н. М. Судьбы советских военнопленных — участников европейского движения Сопrotивления // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 164–172. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-3-18>; Земсков В. Н. «Возвращенцы» и «невозвращенцы»: о судьбе советских перемещенных лиц в 1944–1956 гг. // История и историки: историографический вестник, 2011–2012 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2013. С. 90–107; Он же. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. // Труды Института российской истории РАН / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Институт российской истории РАН, 2013. Вып. 11. С. 244–284; Полян П. М. Репатриация советских граждан из Франции и французских оккупационных зон Германии

ществлялся возврат бывших российских подданных из Франции, Китая, Румынии, Чехословакии и т.д. Из Болгарии было переселено немногим менее 1,4 тыс. человек, что составляло примерно двенадцатую часть от всех русских подобной категории и было приблизительно в два раза меньше своих сородичей из Румынии². Эти две последние группы (румынская и болгарская) «репатриантов» имели существенную специфику в отличие от «военнопленных», «остербайтеров» и т.д. Это были потомки тех, кто еще в XVIII — начале XIX в. покинул территории Российской империи³.

К 1945 г., когда Красная армия взяла под свой контроль Румынию и Болгарию, в последней находилось два специфических анклава русских-старообрядцев, насчитывающих более 3 тыс. жителей. Ими были с. Татарница (позднее вошедшее в состав поселка Айдемир Силистринской округи) и с. Казашко Варненской округи: «...они в полной мере могут быть расценены как две разные модели исторического прошлого и будущего русских староверов Юго-Восточной Европы в целом»⁴. Кроме того, вокруг этих эпицентров древнего православия существовал десяток малодворных поселений, небольшие хозяйственные родовые общности.

В 1946 г., по инициативе офицеров Советской армии, состоялась репатриация почти половины этой группы на территорию СССР. Выявленный корпус источников позволяет детально реконструировать этот сюжет: причины, обстоятельства и ход переселения, расселение и обустройство на новых местах и т.д. Считаю важным включить рассмотрение непосредственной реэмиграции 1946 г. в контекст общей исторической и социокультурной мобильности представителей данной этноконфессиональной группы. Их одновверцы из румынской части Добруджи также приняли участие в этой репатриации (в 1945 и 1947 гг.), но это отдельные, хотя и смежные исторические сюжеты.

и Австрии // Трагедия войны — трагедия плена: сб. материалов науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию образования антифашист. орг. военнопленных в СССР и пробл. и перспективам развития музея «Трагедия плена», 1–2 окт. 1998 г. / Сост. В. А. Всеволодов. М.; Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1999. С. 174–197.

² Пригарин А. А. Возвращение на Родину: переселения русских в РСФСР в 1946–1949 гг. // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы VIII Международной научной конференции, Москва, 19–20 апреля 2024 г. / ред. М. К. Ясменко, Ю. В. Ерохина, О. В. Пустозерова, Д. И. Ерёмкин, Р. Ш. Шафикова. М.: МХПИ, 2024. С. 520–528.

³ Пригарин А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX в. Одесса; Измаил; М.: Смиль; Археодоксія, 2010.

⁴ Пригарин А. А. Русские старообрядцы в Болгарии: новые материалы по истории потомков некрасовцев и липован Добруджи // Старообрядчество: история, культура и современность / гл. ред. В. И. Осипов. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2004. Вып. 10. С. 29.

СТАРОВЕРЫ БОЛГАРИИ: ПОСЛЕДСТВИЯ И ПОТЕНЦИАЛ МИГРАЦИЙ

Библиография трудов, исследующих два названных выше поселения, достаточно обширна, но большинство работ имеют лингвистическую или фольклористическую направленность⁵. Собственно историческим сюжетам, к сожалению, внимания уделялось мало. Возможно, это связано с общей историографической ситуацией в изучении казаков-некрасовцев и липован Добруджи и всего Причерноморья. Исследователи убедительно отмечали мобильность группы — масштабные миграции как внутри этих групп, так и за их пределами на протяжении XVIII–XX вв.⁶ В такой ситуации прошлый опыт каждой общины-поселения тесно связан с историей группы в целом.

Именно так — в контекстах перманентной мобильности — стоит рассматривать, на наш взгляд, современное старообрядческое население в Болгарии. Оно представляет собой оригинальный реликт некрасовских и липованских общностей в Причерноморье. Два существующих анклава имеют столь значительную разницу в прошлом, что вполне оправданно можно

⁵ Анастасова Е. Е. Старообрядците в България: мит — история — идентичност. София: «Проф. Марин Дринов», 1998; Кауфман Н. Песни на казаците некрасовци от България // Българска музика. 1963. № 5. С. 35–40; Критска-Иванова Е. Ф. Наблюдения върху свателния фолклор, на руските села Казашко, Варненски окръг, и Татарица, Силистренски окръг // Български фолклор. 1977. № 2. С. 44–51; Она же. Типология и еволюция руского свателного обряда и фольклора в България (села Татарица и Казашко) // Русские: семейный и общественный быт / отв. ред. М. М. Громько, Т. А. Листова. М.: Наука, 1989. С. 198–221; Романска Цв. Фолклор на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1959. Т. LIII. № 2. С. 493–614; Она же. Риболовът на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско (принос към етнографското проучване на черноморския ни риболов) // Там же. 1960. Т. LIV. № 1. С. 353–446; Она же. Някои етнографски особености на с. Казашко, Варненско и на русите-некрасовци, които го населяват // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски / ред. В. Георгиев. София: Българска академия на науките, 1960. С. 563–589; Узенёва Е. С. «А язык у нас липованский...» // Славяноведение. 2016. № 6. С. 45–57; Anastassova E. Nekrasovtsy Old Believers // Communities and identities in Bulgaria / ed. by A. Krasteva. Ravenna: Longo Editore, 1998. P. 209–220; Grek-Pabisowa I. O tendencjach rozwoju gwary starowierców w Bułgarii // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. 1972. T. XII. S. 221–232; Eadem. Религиозная и культовая терминология и ее функции в говоре старообрядцев в Польше и Болгарии // Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie / red. I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa, R. A. Morris. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1994. S. 301–312; Steinke K. Die russischen Sprachinseln in Bulgarien. Heidenelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1990.

⁶ Скальковский А. А. Некрасовцы, живущие в Бессарабии // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. № 8. С. 61–82; [Кельсиев В.] Очерк старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник / Изд. под наблюдением и с предисл. Н. Страхова. СПб.: Изд. Петерб. отд. Славянского ком., 1875. Т. 1. С. 605–620; Короленко П. П. Некрасовские казаки // Известия общества любителей изучения Кубанской области / под ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1900. Вып. 2. С. 1–74; Бачинский А. Д. Некрасовские поселения на Нижнем Дунае и в Южной Бессарабии // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 1971. Вып. 7. С. 159–163.

назвать это объединение в рамках одного современного государства условным. Кроме того, во время своих архивных и экспедиционных исследований (2000–2001, 2023–2024 гг.) мы убедились, что на территории современной северо-восточной Болгарии имели место и другие поселения русских старообрядцев, не сохранившиеся до наших дней.

Первые старообрядческие общины проникают на территорию Южной Добруджи не позднее конца XVIII — начала XIX в. Именно в это время русско-турецкие войны и активизация враждебности со стороны соседей (задунайских украинских казаков) заставили часть некрасовцев искать новые места жительства в глубине османских владений. В историографии этого вопроса утвердилось мнение, что в этот период укрепляются поселения некрасовцев Анатолии — на о. Майнос⁷. Однако часть некрасовцев нашли себе пристанища возле крепости Силистры, то есть выше по течению Дуная по отношению к местам предыдущего пребывания.

С этими событиями, по-видимому, связано основание с. Татарица. В исследованиях не существует единой точки зрения о дате основания села. В качестве таковой указывались и 1780-е гг.⁸, и середина XVIII в.⁹ Однако у нас есть все основания полагать, что Татарица заселена старообрядцами в 1810–е гг. Село с таким именем существовало еще с XVI в., однако с другими жителями¹⁰. Заселение старообрядцами вряд ли произошло ранее 1809 г. В это время около села состоялось крупное сражение между турецкой и российской армиями за крепость Силистру. В источниках не отразилось столь примечательное некрасовское население Татарицы, что может означать его отсутствие на тот момент.

С другой стороны, известно, что в 1811 г. «напуганные выступающими русскими подразделениями некрасовцы искали простор в области Дуная»¹¹. Именно в начале 1810-х гг. проходят массовые «выходки» некрасовцев из северной части Добруджи, расположенной вблизи российских границ. В это время часть некрасовцев переселяется в Анатолию (в частности, из Сарыкея часть некрасовцев ушла на о. Майнос, а часть — в с. Татарица¹²).

Примечательно, что в исторических преданиях липован Татарицы сохранилась память о скитаниях тех лет. Приведем лишь один пример из тех, что нам удалось зафиксировать:

⁷ Иванов-Желудков В. (Кельсиев В.) Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63. Кн. 6. С. 413–451; Смирнов И. В. Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 97–107; Волкова Н. Г., Заседателева Л. Б. Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1986. № 4. С. 44–54.

⁸ Критска-Иванова Е. Ф. Типология и эволюция русского свадебного обряда... С. 198–200.

⁹ Steinke K. Die russischen Sprachinseln in Bulgarien. S. 14–16.

¹⁰ История на Добруджа / под ред. Н. Тодорова и Стр. Димитрова. София: Изд-во БАН, 1988. Т. 3. С. 11.

¹¹ [Кельсиев В.] Очерк старообрядцев в Добрудже. С. 78–79.

¹² Феноген С. Сарикей: страницы истории. Бухарест: Критеон, 1998. С. 54.

Царь Петр сказал: «Или бараду брите, или курите». А они православные христиане, сильно религию исправляли. Надо уезжать и уехали на лодках с парусами. Оне парусами, парусами, парусами и перебрались туды, чуть ниже Переславу (г. Мальк Переслявец. — *А. П.*). И когда чума их напала, они — на один остров, называется Гаромуд-остров (Гаргалик, Гарван. — *А. П.*). И переехали трошки сюды, и опять... Тогда был Паша, турецкое время, нали, было. И они приехали, тут называется Калмацури. Железный Яр. Тутатка, нали [«так» — по-болгарски, явная аккультурация], были пастухи-татары, а Осман Паша переехал туды и говорит: «Уезжайте отседова». А тут вода была... А наши все рыбалки були, им он говорит: «Даю вам кому сколько хочим земли». Они переехали сюды, а татары испужались и ушли¹³.

В подчинении у силистренского «сираксира» (военного коменданта) находилось несколько общин некрасовцев вплоть до Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В документах того времени названия этих поселений зафиксированы как: Татарица, Кючук Диоли (Кючук-Гьол — тюрк. «малое озеро»), хутор Силистренский, Некрасовская или Липованская Кугуголь (здесь и далее ойконимы приводятся так, как они отражены в документах. — *А. П.*). Сохранилось краткое описание, сделанное в 1826 г. тайным агентом — И. П. Липранди¹⁴. Среди собранных им разведанных указывается, что поселение находилось на Дунае «около 30 верст выше Силистрии близь селения Попе». «Она вся состоит из бывших по несколько лет приписанных и имевших оседлость жителей: Измаильских, Вилковских, Бессарабии и других прибрежных мест; они оставили дома, сады и другие заведения свои, и перебежали в 1822 и 1823 годах на правый берег Дуная, тотчас по появлении сыщиков от поселенных войск — к деревням, коим прежде принадлежали. После краткого пребывания в Тульче, Исакче и Некрасовских деревнях, отправлены были большею частью на подводах к Силистрии для поселения — и даны им те же права, коими пользуются некрасовцы и липованы, в состав коих и поступили»¹⁵. «Промышляют преимущественно рыбной ловлею, разведением садов и виноградников, и весьма мало хлебопашеством». Далее И. П. Липранди свидетельствовал о том, что «в прошлом году около Покрова (1825, 14 октября. — *А. П.*) в Кучуголе погибло от Чумы более 250 душ»¹⁶.

Во время войны один из офицеров писал С. А. Тучкову, что «около крепости Силистрия селение Кучук Диоли разрушено, откуда некрасовцы переселились — часть в Бабадаг, где помогали Российской армии, а часть — в Татарицу. Из них 35 душ обоего пола в Россию, в Тучков [Измаил]»¹⁷.

¹³ Полевые материалы автора. Записано со слов: Каракудова Семена Александровича, русского, 1920 г.р., с. Татарица. (02.09.2000 г.).

¹⁴ [Липранди И. П.] Некоторые сведения о правом берегу Дуная, собранные в 1826 году. СПб: Тип. Ген. Штаба, 1827. С. 42–43.

¹⁵ Там же. С. 42.

¹⁶ Там же. С. 43.

¹⁷ Коммунальное учреждение «Измаильский архив» (далее — КУ ИА). Ф. 56. Оп. 1. Д. 19. Л. 9–10.

Примечательно, что в упомянутом селении Кючук Диол находился некрасовский старообрядческий монастырь, называвшийся «Кучесом, или Верировкой»¹⁸. Однако во время военных действий он был разрушен турками, а монахи переселились вместе с казаками в Россию (на Кубань, Ставрополь).

О том, что Татарица стала центром всего старообрядческого населения, сохранившегося в округе Силистры после 1828 г. и не пожелавшего переселиться в Россию, свидетельствуют также материалы П. Бахметьева¹⁹. Часть жителей Кючук-Диола после разрушения села ушли в северную Добруджу (с. Караорман), а затем вернулись в Татарицу.

В это же время российская военная администрация попыталась склонить некрасовцев к переселению в пределы России. На этот призыв откликнулось восемь семей и два бурлака из числа татаричских жителей. В архивных материалах удалось обнаружить список этих переселенцев. Согласно ему, 25 взрослых и 8 малолетних (19 мужского и 14 женского пола) перешли в Новую Некрасовку (Кугурлуй) в конце 1830 г.²⁰

Так сформировался один из современных анклавов русских-старообрядцев на территории современной Болгарии.

На протяжении 1829 — 1940-х гг., несмотря на изменения политических границ в регионе, Татарица оставалась с другими липованскими поселениями Добруджи в составе одних государств (Оттоманская Порта, Болгария, Румыния). Тесные конфессиональные, торгово-хозяйственные, брачные связи, особенно с липованами Новенького (Гиндерешть), предопределили общность их исторических судеб. Вместе с другими старообрядцами-поповцами они приняли активное участие в учреждении Белокриницкой иерархии (1846 г.). В 1850-х гг. в Татарице располагалась одна из станиц Добруджанского казачьего войска под руководством М. Чайковского (Садък-Паши)²¹. В 1868 г. после упразднения казацкого положения некрасовцев староверы Добруджи (в частности, Татарицы) были уравнены в правах с остальными жителями края.

В конце XIX в. за счет естественного прироста и пополнения населения беглецами-староверами из внутренних губерний Российской империи изменяется география расселения липован. Поиск новой земли приводит к освоению новых территорий Добруджи и образованию малодворных поселений (хуторов). Так, в начале XX в. в границах современной Болгарии липованскими анклавами были Татарица (788 староверов), Горна Мусубей

¹⁸ КУ ИА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

¹⁹ Бахметьев Л. Към историята на старите руски поселища въ сегашната България // Периодическо списание на Българското книжовно дружество въ София. 1907. Т. XLVIII. № 3-4. С. 297-300.

²⁰ КУ ИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 18. Л. 125.

²¹ Czajkowski M. Kozaczyzna w Turcyi: dzieło w trzech częściach. Paryż: Drukarnia L. Martinet, 1857. S. 74-75.

(119), Екисче (89), Хасерлек (88), Деведжикиой (29)²². К этому же времени относится основание хуторов Стылбище (оно же — Стелбище) (Делики-таш) между Силистрой и Тутраканом, Карапча (беспоповцы из северной Добруджи), Камчия (беспоповцы) и Ресилер на побережье Черного моря.

К началу XX в. среди липован Добруджи остро встал земельный вопрос, одним из путей решения которого являлась реэмиграция в Россию. Либерализация политики по отношению к старообрядцам совпала с проведением столыпинской аграрной реформы. В этих условиях около трети липован Добруджи согласились на переезд на Дальний Восток. Среди них были и жители Татарицы. Выходцы из этого села совместно с выходцами из Новенького в 1909 г. заселили с. Абайканское Амурской области²³.

Следует также отметить, что на образование малодворных поселений старообрядцев, по-видимому, оказала влияние и конфессиональная дифференциация. Беспоповцы и беглопоповцы (оба направления известны в Добрудже под условным названием «хатники») стремились обособиться от старообрядцев, приемлющих священников.

С началом XX в. связано основание еще одного современного анклава — Казашко (Казашко Махала) на берегу Варненского озера. Сюда первоначально переселились потомки некрасовцев с о. Мада и Майнос (Анатолия). Их предки — радикально настроенные казаки-некрасовцы — ушли вглубь Турции именно из Добруджи в конце XVIII — начале XIX в.²⁴ После эпидемии холеры, в начале XX в., большая часть из них уехала в Российскую империю (на Кубань и в Грузию), а те, кто не хотел возвращаться в российские пределы, вынуждены были искать новые места жительства. В источниках конца XIX в. есть свидетельства о том, что Северо-Западное Причерноморье было хорошо известно казакам Мады и Майноса²⁵. Семьи Русовых, Федосея и Филата, перешли на берег Варненского озера и положили начало селу Казашко. Позднее к ним присоединились несколько семей липован из Добруджи.

Жители с. Казашко в основном были «беспоповцами» (кроме собственно приверженцев этого согласия, сюда стремились и беглопоповцы, экзотоним которых в регионе также относил их к «беспоповцам»). Как показали наши экспедиционные исследования, в первой половине XX в. здесь существовало несколько микрообщин: окказиональные беспоповцы — по-

²² *Романски Ст.* Народописна карта на нова ромънска Добруджа // Списание на Българската Академия на науките. 1915. Кн. XI. С. 58–59, 76, 80, 93, 102.

²³ *Мельников В.* Переселение старообрядцев. (Из доклада уполномоченного совета съездов) // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1909. № 49. С. 1368–1370.

²⁴ *Смирнов Я. И.* Из поездки по Малой Азии. У некрасовцев на острове Мада на Бейшеирском озере, Гамид-абадагского санджака, Конийского вилайета // Живая старина. 1896. № 1. С. 3–31.

²⁵ *Гордлевский В. А.* Уголок России в Турции. Старообрядческая деревня под Ак-шехиром. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1913. С. 8–9.

томки некрасовцев из Анатолии, не принявшие Белокриницкую иерархию, всевозможные «хатники» из северной Добруджи. Наличие приверженцев поповского направления привело уже в новейшее время к тому, что в 2007 г. община приняла так называемую «Новозыбковскую иерархию» — Русскую Древлеправославную Церковь.

Эти две старообрядческие общины имели своеобразный характер взаимодействия: в конфессиональном плане они долгие десятилетия игнорировали друг друга, но при этом нередко были случаи заключения браков между ними (тогда один из молодых супругов принимал «согласие» второго). Особенно такие случаи участились в условно советский период (1945–1989 гг.), когда внутренние ресурсы брачного рынка были практически исчерпаны. Другим путем преодоления этого «дефицита» стали для Татарицы и, в меньшей степени, для Казашко браки с единоверцами из Румынии (для первого поселения даже формируется дуальный брачный партнер — с. Новенькое (Гиндерешти)). Именно необходимость создания семей для молодого поколения, когда все уже между собой породнились, заставляла искать радикальные решения и стала одним из факторов, обусловивших репатриацию 1946 г., когда советское руководство в лице офицеров Красной армии предложило переселиться в пределы СССР.

РЕПАТРИАЦИЯ 1946 Г.: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ХОД ПЕРЕСЕЛЕНИЙ

Представители этих двух религиозно-территориальных общин русских старообрядцев Болгарии обратили на себя внимание расквартированных в Силистре и Варне советских офицеров своей «консервативностью» и «выразительностью», и они, в свою очередь, привлекли к ним внимание Уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации (подполковника Киселева). В аналогичной же ситуации в Румынии уже к концу 1944 г. отмечалось, что «подано несколько коллективных заявлений семейств, даже целыми деревнями, русских из Констанцкого уезда, предки которых поселились в Румынии еще со времени Русско-турецкой войны, о приеме в советское гражданство и переезде на жительство в СССР...»²⁶.

Судьбу подобных соотечественников решали в ходе переписки между Наркомом иностранных дел с Председателем Совета министров, где эту инициативу возглавили, но несколько отложили ее исполнение. 24 ноября 1945 г. в НКВД заведующим отделом Балканских стран была послана докладная: «Посланник СССР в Болгарии т. Кирсанов в телефонном разговоре с нашим представителем в Румынии полковником Богдановым сообщил, что в Болгарии имеются граждане русской национальности, проживающие там с давних времен. Прошу сообщить Ваше мнение о целесообразности командирования в Болгарию представителя от полковника Богданова для

²⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-9526. Оп. 6. Д. 62. Л. 7.

учета русских граждан, желающих переселиться в СССР»²⁷. В нескором ответе, ссылаясь на разработанное Постановление Совета министров СССР № 1923-811с от 29.08.1946 г.²⁸ и Указ Президиума ВС СССР от 14.06.1946 г., писалось, что они «уже приняты в советское гражданство»²⁹. Таким образом, местные действия явно опережали центральные власти в решении вопросов — списки желающих переселиться были составлены и ждали своего юридического оформления. Как только оно состоялось, процесс пошел: практически одновременно с постановлением СМ СССР первые партии репатриантов покинули порт Варны и выдвинулись в Одессу.

Причинами и мотивами переселения части русских старообрядцев из Болгарии является совокупность факторов, многие из которых не так очевидны из бюрократических документов. Во-первых, это было воспроизводство привычной жизненной стратегии старообрядцев — трансформации внешних обстоятельств приводили к переселенческой практике. Подчеркнем, что здесь инициаторами выступили внешние по отношению к липованско-некрасовской среде советские власти. Во-вторых, к подобной же практике прибегали в обстоятельствах кризиса хозяйственно-экономического уклада, который для староверов выражался в нехватке земельных или водных ресурсов. Косвенно это иллюстрирует перманентный процесс создания малодворных поселений вокруг Татарицы и Казашко — исчерпав традиционной моделью рыболовства ресурсы, жители искали новые «ловы» или новые формы заработка. Именно поэтому наряду с «рыбаками» в группе переселенцев оказалось некоторое количество «земледельцев» и жителей городов (наемные работники и ремесленники). В-третьих, сознательно эндогамное общество ревнителю «древлего благочестия» в течение двух-трех поколений испытывало дефицит брачного рынка. Когда привычные межприходские отношения в условиях замкнутости переставали удовлетворять потребности в расширении брачного круга, часть молодого поколения вынуждена была совершать переезды, иногда на многие тысячи километров.

Очевидно, что стремление представителей Советской власти «вернуть» русских людей на их Родину совпало с этими тремя факторами. Осознавая их, болгарские старообрядцы рассчитывали на процесс репатриации как на возможности улучшить свое социально-экономическое положение, обеспечить новую эффективную стратегию жизнедеятельности и сохранить свою религиозно-культурную инаковость.

Несмотря на серьезные масштабы задуманной акции, она оказалась не совсем продуманной и подготовленной: чиновники НКВД просили «принять меры к тому, чтобы переселяющиеся граждане, по профессии

²⁷ ГАРФ. Ф. А-9526. Оп. 6. Д. 62. Л. 55.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 144.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 379. Л. 165.

рыбаки <...> запасались максимальным количеством рыболовных снастей, применимых как в морских, так и речных условиях»³⁰; или далее: «Опыт приема переселенцев-рыбаков из Болгарии подтверждает, что Министерство рыбной промышленности УССР не в состоянии обеспечить переселившихся рыболовными снастями, в результате чего Рыбак-Колхозы Украины рыболовецкими снастями обеспечены лишь до 60–70 %». Это сами чиновники относили к «недочетам при приеме переселенцев-рыбаков из Болгарии, не обеспеченных рыболовецкими снастями при выезде в Украинскую ССР»³¹.

Процесс переселения курировался Отделом по делам репатриации при Управлении Одесского военного округа (в лице начальника — «гвардии полковника Доможирова») и Уполномоченным Совета министров СССР по делам репатриации (подполковник Киселев)³². Так, письмом от 27–28.11.1946 г. сопровождалась посемейные списки «переселенцев, прибывших из Болгарии пароходом “Карл Маркс” и отправленных в Ровенскую, Херсонскую, Николаевскую и Запорожские области»³³. Это была группа в основном из с. Татарица и округи Силистры. Вторая партия людей, вышедших из Казашко и Варны, прибыла в Одессу на том же пароходе спустя две недели, 13 декабря 1946 г.³⁴ Этим переселенцев предполагалось отправить в Ровенскую и Сталинскую (Донецкую) области.

Обработка этих пофамильных списков позволяет реконструировать некоторые исторические обстоятельства развития группы. Так, ровно 100 семей, или 378 чел. (200 мужского и 178 женского пола) планировалось направлять в Херсонскую область³⁵. Обращает на себя внимание индекс численности на одну семью (3,78) и коэффициент мужского пола (1,125). Особенно последний свидетельствует об искусственности популяции, ограниченной индивидуально-семейными рамками выбора своей жизненной стратегии: «уехать» или «остаться».

Об исторической географии переселенцев этой группы свидетельствует тот факт, что в ней были как сельские жители (202 человека представляли собственно Татарицу), так и городские (170 человек представляли Силистру, четверо – Бургас и двое – Рушук-Русинский). Косвенно на демографическую причину переезда указывает наличие пятерых болгарок в составе этой группы (все они — супруги липован). Наличие иноэтничных брачных партнеров дополняет наши знания о межэтнических связях среди старообрядцев Добруджи соседними народами.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 381. Л. 6.

³¹ Там же.

³² ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 3. Д. 301. Л. 1-182.

³³ Там же. Л. 1, 2-25.

³⁴ Там же. Л. 26, 27-35.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 301. Л. 2-10.

Также по трое болгар выявлено в группах, переселявшихся в Ровенскую³⁶ и Николаевскую³⁷ области (во второй был даже один турок). Эти две группы состояли из 97 и 67 семей соответственно. В Ровенскую область направлялось 359 чел. (183 мужского и 176 женского пола)³⁸, а в Николаевскую — 190 чел. (99 мужчин и 91 женщина)³⁹. Все они указывались как жители Татарицы. Для них высчитанные индексы и коэффициенты составляли: 3,7 и 2,8 чел. на семью, соотношение мужского пола к женскому: 1,040 и 1,088 соответственно.

Относительно небольшую общность предусматривалось поселить в г. Мелитополь Запорожской обл.⁴⁰. В ней насчитывалась лишь 21 семья, или 71 чел. (39 мужского и 32 женского пола, 3,38 чел. на семью). Еще более искусственным выглядел в этой группе мужской коэффициент — 1,219. Показательно, что лишь шестеро указали местожительством Татарицу, остальные 65 были жителями с. Стелбище. Видимо, это небольшой родовой микросоциум старообрядцев.

Следующая — вторая партия переселенцев, прибывшая в одесский порт 02.12.1946 г., представляла собой две группы, которые планировалось поселить в Ровенской⁴¹ и Сталинской⁴² областях УССР. Это были общности в 31 и 43 семьи соответственно, состоящие из 133 (73 мужского и 60 женского пола) и 173 чел. (86 мужчин и 87 женщин). Среди этих переселенцев количество людей в семьях было максимальным: 4,29 и 4,02, лиц на одно домохозяйство. При этом ровенская группа демонстрировала соотношение полов 1,217, а сталинская — 0,989. Выразительно, что в первой группе 125 чел. были уроженцами с. Карапча, и еще 8 — Казанка-Могила. Во второй 168 чел. происходили из с. Казашко и еще 5 — из Генерал-Тошево (бывш. Касымкёй (Касъмкьой)). Показательно, что в группах репатриантов присутствовали не только русские, но также болгары (2 и 3 соответственно) и армяне (4 чел. в первой группе).

В целом, согласно документальному источнику, переселились 359 семей, или 1 304 чел., из них 680 мужчин и 624 женщин. Усредненный мужской коэффициент — 1,090 — свидетельствовал о достаточно гармоничном соотношении полов. Высоким, практически традиционным следует считать показатель численности семей — 3,63 чел. на 1 микросоциальную единицу. Подчеркнем серьезный демографический потенциал репатриантов из Болгарии в УССР.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 301. Л. 11-18.

³⁷ Там же. Л. 19-23.

³⁸ Там же. Л. 11-18.

³⁹ Там же. Л. 19-23.

⁴⁰ Там же. Л. 24-25.

⁴¹ Там же. Л. 27-30.

⁴² Там же. Л. 31-35.

Наличие графы «место рождения» в этих списках позволяет провести анализ фактического происхождения репатриантов. Формально все они — граждане Болгарии, возвращающиеся на историческую Родину. Проведенные подсчеты вышеуказанного показателя существенно уточняют эту простую схему. Например, в херсонской группе «Татарница» указана в 277 случаях (73,3 %). 32 человека указали поселки румынской части Добруджи: гг. Браилов (6), Тульча (9), Баздарит (1) и Калараш (1); села Гиндерешти (5), Камень (5), Сарыкей (3), Слава (1) и Махмудия (1). 59 переселенцев этой группы обозначили места своего рождения на территории Южной или Болгарской части Добруджи: гг. Вардим (1), Свищов (1), Силистра (45), Рушук (3); сс. Бордоман, Каракей, Петрай, Сандайка, Сеново, Стелбище, Солнице, Шокаринцы. Еще 8 человек родилось в тогда еще румынской Бессарабии: Килие (2), Кишиневе (1), Измаиле (1); селах Орловке, Старой и Новой Некрасовках, Ташлыке. 3 человека пожилого возраста указали, что родились в Днепропетровске, Никополе и Черкасах.

Таким образом, получается, что немногим более четверти переселенцев (26,7 %) этой группы по происхождению принадлежали другим территориальным объединениям староверов. При этом каждый четвертый представлял сопредельные «румынские» территории, а, условно, каждый десятый — земли СССР (УССР). 6 из 10 являлись результатами тенденций к урбанизации и мобильности группы в Болгарии: переселенцы в соседние города или хозяйственно-экономические фактории Татарницы по Дунаю.

Среди переселенцев в Ровенскую область наблюдалась большая гомогенность: 345 или 97,2 % представляли с. Татарница, и лишь по одному человеку — румынскую Славу Русу и советский Никополь, по двое — города и села Южной Добруджи (Плевен, Силистра; Вербина Дуловского уезда), еще четверо — Бессарабию (Вилков, Измаил, Николаевка Бендерского уезда).

В Николаевскую область переселилось 157 уроженцев Татарницы (81,3 %), то есть каждый пятый родился вне места выхода. Из них примерно треть — 10 чел. — представляли Румынию (Браилов, Журавлевка, Куравей, Нов. Роман, Тульчу, Констанцу); почти половина — 15 чел. — болгарские Рушук, Силистру, Сеново. Четверть от тех, кто был рожден не в Татарнице (8 чел.), представляли Бессарабию: Бендеры, Болград, Некрасовку; и 3 — советский Никополь.

Еще более сложными по происхождению являются группы, собиравшиеся на поселение в Запорожскую⁴³ и Ровенскую⁴⁴ области. В первой из них лишь 33 чел. (40,7 %) указали, что родились в Татарнице. Остальные 48 чел. распределялись следующим образом: пятая часть из них представляли общины румынской Добруджи (Камень, Тульча и Журиловку); ровно две трети — болгарской (Рушук, Стелбище (24 чел., ровно половина из всех

⁴³ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 301. Л. 24–25.

⁴⁴ Там же. Л. 27–30.

родившихся не в Татарице), Тополя, Тресник); почти каждый десятый — Бессарабию (Некрасовку, Орловку). Напомним, что, согласно нашей гипотезе, в этом случае мы имеем дело с одной расширенной родовой группой, компактно проживавшей на 1946 г. в малодворном поселении Стелбище.

В группе, переселявшейся в Ровенскую область, больше половины представляли собой выходцев из Северной (румынской) Добруджи: 79 чел., или 59,4 % (Сарыкей (67, или почти 9 из 10), Тульча, Пятра, Магмудея, 23-я Миля, Журиловка). 51 чел. (38,3 %) условно можно считать уроженцами болгарской (южной) Добруджи: примерно пополам поделились Казашко и Карабча, а также Русса. Минимально представлены (3 чел.) лица, урожденные в Бессарабии (Иссерли, Ташлык и Килия).

Пос. Казашко репрезентировали 111 чел., или 65,7 % переселявшихся в Сталинскую область. Еще десяток являлись уроженцами болгарских Татарицы, Марково, Самокова, Беленьково, Константиновки. Каждый четвертый в приазовской группе являлся уроженцем Румынии (41 чел.: Махмедия, Тульча, Каракей, Гиндерешти, Каркалиу, Констанция, Слава Старая, Сарыкей). Некрасовское историческое своеобразие подчеркивает относительно небольшая общность в 7 чел., которые родились в Хабаровске, на Кубани и в Донской области, а также в Токаре и Хамедии (Турция).

После прибытия в порт Одессы эти партии переселенцев были направлены железной дорогой в планируемые области. В них эти группы еще больше раздробили и расселили по рыболовецким колхозам вдоль Днепра и Азовского моря. Исключение составили переселенцы в Ровенскую область, которых в результате попробовали поселить в Ивано-Франковской области, в с. Софиевке. Однако они очень быстро попросились в другие местности, ссылаясь на свою не аграрную профессию рыбаков. В реальности, как вспоминал один старожил, который был подростком в те годы, «... как-то ночью к старикам пришли бендеровцы, которые говорят: “Вы люди добрые, видим, но это все наши земли”. До угроз дело не дошло, вот и пришлось уходить». Часть их обустроилась у родни в Херсонской, Запорожской и Сталинской областях, часть ушла в города Бендеры и Килия, к своим одноверцам.

Другой переселенец этого времени вспоминает: «Сели мы на Еланчике, возле моря (Азовского, возле г. Новоазовск. — *А. П.*), рыбу ловили бравенько... Пока я в армию ушел, тятя все церковь нашу искал. Рыбаки ему как-то и говорят, а у нас такие как вы есть, бородатые... Съездил на тот берег моря, а там точно — наши, родня даже оказалась... Вернулся уже туда, всей семьей в Ново-Покровку переехали, чтоб у храм ходить...»⁴⁵. Подобные хутора раскинулись достаточно широко. Для точной географии расселения еще стоит поискать документы фискально-административного характера.

⁴⁵ Полевой материал автора. Записано со слов Леонтия Григорьевича Скачкова, русский, 1934 г.р., г. Минусинск (14.05.2024 г.).

Наибольший анклав сосредоточился вдоль Днепра. Его особенности помогают реконструировать источники церковного происхождения. Несмотря на общий запрет на религиозную жизнь, переселенцы ее искали у существующих священников-старообрядцев. Ближе всего к ним оказался приход в г. Одесса. По всей видимости, в 1952–1953 гг. репатрианты наладили общение с вновь назначенным иереем Покровского старообрядческого храма Иваном Яковлевичем Сычевым⁴⁶. Он неоднократно выезжал «для исполнения треб» к ним, проезжая по всем небольшим общинам. Так, например, 23.04.1956 г. он посылал Епископу Кишиневскому Иосифу «списки верующих Старообрядцев / переселенцев из Румынии и из Булгарии посещенных мною с Вашего благословения в нижеуказанных селах в Херсонской обл.: 1 — Село Старая-Збурьевка, Голопристанский р-н. 2 — Село Кизий-Мыс, Белозерский р-н. 3 — Село Камышани, Белозерский р-н. 4 — Поселок — Херсон-Сухарна»⁴⁷.

Из сопоставления со списками переселенцев из Болгарии следует, что эти общины состояли из тех, кого в Херсонскую область и планировали поселить. Кроме того, присутствуют несколько семей, которые переселились в Астраханскую область из Румынии в 1947 г. Естественно, что в эти документы попали лишь пожилые и взрослые люди, дети и молодежь отсутствовали. Также известно, что отдельные переселенцы проживали по соседству в ряде прибрежных поселков (например, в с. Рыбачье Херсонской и с. Мироновка Запорожской обл.). Согласно этому источнику, в Старой Збруевке осело 17 семей, или 37 чел.; в Кизьем-Мысу — 21 семья, или 58 чел.; в Камышанах — 38 и 84 соответственно; в поселке Сухарна — 5 и 10⁴⁸. Отметим, что сохранить свою религиозную инаковость основной массе переселенцев из Болгарии 1946 г. в условиях дисперсного расселения, небольшими группами семей, было крайне сложно. Лишь отдельным личностям из них удалось наладить окказиональные связи со священством и приходами. В результате потомки репатриантов «растворились» в окружающем населении на протяжении последующих поколений.

Из Европы в СССР: выводы

Таким образом, привлекая оригинальные источниковые материалы, а также историографический опыт, можно констатировать некоторые принципиальные моменты.

1. Исторический опыт формирования и развития русского старообрядческого населения Болгарии позволяет характеризовать эту этноконфессиональную общность как один из старейших структурных элементов «Русского

⁴⁶ Пригарин А. А., Федорова А. И. Русские старообрядцы Одессы: этноконфессиональность в условиях поликультурного города. Рига: Археодоксия, 2022. С. 290–294.

⁴⁷ «Мазаракиевский архив» Покровской общины РПСЦ г. Кишинева. Папка «Г. Одесса. 1.01.1946–31.12.1961 гг.». Л. 227.

⁴⁸ Там же. Л. 229–239.

мира». Как и их единоверцы в соседних Турции и Румынии, болгарские староверы представляли собой мобильную в социально-территориальном плане, но устойчивую, и даже консервативную — в социально-религиозном плане группу.

2. Как показывает анализ мест рождения и мест выхода переселенцев 1946 г., формальное нахождение в рамках одного государства (в данном случае — Болгарии) никогда не было препятствием для старообрядцев перемещений и мобильности. На протяжении всего развития «липоване» и «некрасовцы» двух основных общин (Татарица и Казашко) поддерживали активные хозяйственно-бытовые, брачно-социальные и конфессионально-культурные связи как с соседними сородичами, так и с достаточно географически далекими.

3. Свое важное свойство — стремление сохранить «свою веру» при инновационной открытости в отношении внешних вызовов — группа проявила и в период послевоенной Болгарии. Согласившись с центральными и местными администрациями СССР, около половины староверов Болгарии решились на переселение, «возвращение», «реэмиграцию». Для большинства этих репатриантов «историческая Родина» являлась эфемерным конструктом коллективной памяти: лишь минимальное количество людей родились или бывали в Российской империи либо в СССР.

4. Организованное переселение 1946 г. осуществлялось на основе решений на высшем уровне (Президиум Верховного Совета, Совет министров СССР) рядом местных администраций (военной в Болгарии, гражданской в Одесской, Николаевской, Херсонской, Запорожской, Донецкой и Ровенской областях УССР). Перевезенные репатрианты были расселены по рыбколхозам вдоль Днепра и Азовского моря. Хозяйственная адаптация и социальные трансформации прошли достаточно успешно. При этом значительной части переселенцев удалось сохранить свою культурную самобытность — старообрядчество, а для другой части (особенно тем, кто был расселен дисперсно) этническая солидарность оказалась более востребованной.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ):

Ф. А-9526. Оп. 6. Д. 62.

Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 144.

Ф. Р-9526. Оп. 3. Д. 301.

Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 379.

Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 381.

Коммунальное учреждение «Измаильский архив» (КУ ИА):

Ф. 51. Оп. 1. Д. 18.

Ф. 56. Оп. 1. Д. 19.

«Мазаракиевский архив» Покровской общины РПСЦ г. Кишинева. Папка «Г. Одесса. 1.01.1946 — 31.12.1961 гг.».

Полевые материалы автора.

Литература

Анастасова Е. Е. Старообрядците в България: мит — история — идентичност. София: «Проф. Марин Дринов», 1998.

Анастасова Е. Е. Староверы Болгарии и Румынии: динамика развития религиозной культуры (1990–2020) // Комплексная археография Московского университета: сборник научных статей / Под ред. Е. В. Воронцовой, Д. А. Сундуковой. М.: Архив РАН; Археодоксия, 2023. С. 256–273. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 208. Сер. II: Исторические исследования, 139)

Бачинский А. Д. Некрасовские поселения на Нижнем Дунае и в Южной Бессарабии // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 1971. Вып. 7. С. 159–163.

Бахметьев Л. Към историята на старите руски поселения във сегашната България // Периодическо списание на Българското книжовно дружество във София. 1907. Т. XLVIII. № 3–4. С. 292–311.

Волкова Н. Г., Заседателева Л. Б. Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1986. № 4. С. 44–54.

Гордлевский В. А. Уголок России в Турции. Старообрядческая деревня под Акшехиром. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1913.

Земсков В. Н. «Возвращенцы» и «невозвращенцы»: о судьбе советских перемещенных лиц в 1944–1956 гг. // История и историки: историографический вестник, 2011–2012 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2013. С. 90–107.

Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. // Труды Института российской истории РАН / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Институт российской истории РАН, 2013. Вып. 11. С. 244–284.

Иванов-Желудков В. (Кельсиев В.) Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63. Кн. 6. С. 413–451.

История на Добруджа / под ред. Н. Тодорова и Стр. Димитрова. София: Изд-во БАН, 1988. Т. 3.

Кауфман Н. Песни на казациите некрасовци от България // Българска музика. 1963. № 5. С. 35–40.

[*Кельсиев В.*] Очерк старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник / Изд. под наблюдением и с предисл. Н. Страхова. СПб.: Изд. Петерб. отд. Славянского ком., 1875. Т. 1. С. 605–620.

Короленко П. П. Некрасовские казаки // Известия общества любителей изучения Кубанской области / под ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1900. Вып. 2. С. 1–74.

Критска-Иванова Е. Ф. Наблюдения върху сватевния фолклор, на руските села Казашко, Варненски окръг, и Татарица, Силистренски окръг // Български фолклор. 1977. № 2. С. 44–51.

- Критска-Иванова Е. Ф.* Типология и эволюция русского свадебного обряда и фольклора в Болгарии (села Татарица и Казашко) // Русские: семейный и общественный быт / отв. ред. М. М. Громыко, Т. А. Листова. М.: Наука, 1989. С. 198–221.
- [*Липранди И. П.*] Некоторые сведения о правом берегу Дуная, собранные в 1826 году. СПб: Тип. Ген. Штаба, 1827.
- Маркдорф Н. М.* Судьбы советских военнопленных — участников европейского движения Сопrotивления // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 164–172. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-3-18>
- Мельников В.* Переселение старообрядцев. (Из доклада уполномоченного совета съездов.) // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1909. № 49. С. 1368–1370.
- Полян П. М.* Репатриация советских граждан из Франции и французских оккупационных зон Германии и Австрии // Трагедия войны — трагедия плена: сб. материалов науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию образования антифашист. орг. военнопленных в СССР и пробл. и перспективам развития музея «Трагедия плена», 1–2 окт. 1998 г. / Сост. В. А. Всеволодов. М.; Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1999. С. 174–197.
- Пригарин А. А.* Русские старообрядцы в Болгарии: новые материалы по истории потомков некрасовцев и липован Добруджи // Старообрядчество: история, культура и современность / гл. ред. В. И. Осипов. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2004. Вып. 10. С. 29–35.
- Пригарин А. А.* Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX в. Одесса; Измаил; М.: Смил; Археодоксия, 2010.
- Пригарин А. А.* Возвращение на Родину: переселения русских в РСФСР в 1946–1949 гг. // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы VIII Международной научной конференции, Москва 19–20 апреля 2024 г. / ред. М. К. Ясменко, Ю. В. Ерохина, О. В. Пустозерова, Д. И. Ерёмкин, Р. Ш. Шафикова. М.: МХПИ, 2024. С. 520–528.
- Пригарин А. А., Федорова А. И.* Русские старообрядцы Одессы: этноконфессиональность в условиях поликультурного города. Рига: Археодоксия, 2022.
- Решетников С. В.* Репатриация советских граждан и участников движения Сопrotивления из Франции в СССР // Новейшая история России. 2023. Т. 13. Вып. 3. С. 745–758. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.313>
- Романска Цв.* Фолклор на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1959. Т. LIII. № 2. С. 493–614.
- Романска Цв.* Някои етнографски особености на с. Казашко, Варненско и на русите-некрасовци, които го населяват // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски / ред. В. Георгиев. София: Българска академия на науките, 1960. С. 563–589.
- Романска Цв.* Риболовът на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско (принос към етнографското проучване на черноморския ни риболов) // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1960. Т. LIV. № 1. С. 353–446.

- Романски Ст.* Народописна карта на нова ромънска Добруджа // Списание на Българската Академия на науките. 1915. Кн. XI. С. 7-126.
- Скальковский А. А.* Некрасовцы, живущие в Бессарабии // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. № 8. С. 61–82.
- Смирнов И. В.* Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 97–107.
- Смирнов Я. И.* Из поездки по Малой Азии. У некрасовцев на острове Мада на Бейшеирском озере, Гамид-абадагского санджака, Конийского вилайета // Живая старина. 1896. № 1. С. 3–31.
- Узенёва Е. С.* «А язык у нас липованский...» // Славяноведение. 2016. № 6. С. 45–57.
- Феноген С.* Сарикёй: страницы истории. Бухарест: Критеон, 1998.
- Шевяков А. А.* Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920–1950-е гг.: численность, потери, миграции / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: Институт российской истории РАН, 1994. С. 195–222.
- Anastassova E.* Nekrasovtsy Old Believers // *Communities and identities in Bulgaria* / ed. by A. Krasteva. Ravenna: Longo Editore, 1998. P. 209–220.
- Czajkowski M.* Kozaczyzna w Turcyi: dzieło w trzech częściach. Paryż: Drukarnia L. Martinet, 1857.
- Greк-Pabisowa I.* O tendencjach rozwoju gwary starowierców w Bułgarii // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 1972. T. XII. S. 221–232.
- Greк-Pabisowa I.* Религиозная и культовая терминология и ее функции в говоре старообрядцев в Польше и Болгарии // *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: ich miejsce i tradycje we w spóczesnym swiecie* / red. I. Greк-Pabisowa, I. Maryniakowa, R. A. Morris. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1994. S. 301–312.
- Steinke K.* Die russischen Sprachinseln in Bulgarien. Heidenelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1990.

References

- Anastasova, E. E., 1998. *Old Believers in Bulgaria: myth — history — identity*. Sofia: “Prof. Marin Drinov”. (In Bulgarian)
- Anastasova, E. E., 2023. Old Believers of Bulgaria and Roumania: dynamics of development of the religious culture. In: E. V. Vorontsova, D. A. Sundukova, eds, 2023. *Complex archaeography of Moscow University: collection of scientific articles*. Moscow: Arkhiv RAN; Arkheodoksiia, pp. 256–273. (*Works of the Faculty of History of MSU*. Issue 208. Series II: *Historical studies*, 139.) (In Russian)
- Anastassova, E., 1998. Nekrasovtsy Old Believers. In: A. Krasteva, ed., 1998. *Communities and identities in Bulgaria*. Ravenna: Longo Editore, pp. 209–220.
- Bachinskii, A. D., 1971. Settlements of Nekrasovtsy on Lower Danube and in Southern Bessarabia. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia*, 7, pp. 159–163. (In Russian)
- Bakhmet'ev, L., 1907. To the history of the Old Russian settlements on the territory of contemporary Bulgaria. *Periodichesko spisanie na Bulgarskoto knizhovno druzhestvo v Sofiia*, XLVIII (3–4), pp. 292–311. (In Bulgarian)

- Czajkowski, M., 1857. *Kozaczyczna w Turcyi: dzieło w trzech częściach*. Paris: Drukarnia L. Martinet.
- Fenogen, S., 1998. *Sarichioi: pages of history*. Bucharest: Kriteon. (In Russian)
- Gordlevskii, V. A., 1913. *Corner of Russia in Turkey. Old Believer village near Ak-shekhir*. Moscow: Tipo-lit. T-va I. N. Kushnerev i K°. (In Russian)
- Greк-Pabisowa, I., 1972. O tendencjach rozwoju gwary starowierców w Bułgarii. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, XII, pp. 221–232.
- Greк-Pabisowa, I., 1994. Religious and hieratic terminology and its functions in the dialect of Old Believers in Poland and Bulgaria. In: I. Greк-Pabisowa, I. Maryniakowa, R. A. Morris, eds, 1994. *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie*. Warsaw: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, pp. 301–312. (In Russian)
- Ivanov-Zheludkov, V., (Kel'siev, V.), 1866. Russian village in Asia Minor. *Russkii vestnik*, 63 (6), pp. 413–451. (In Russian)
- Kaufman, N., 1963. Songs of Nekrasov Cossacks from Bulgaria. *Bulgarska muzika*, 5, pp. 35–40. (In Bulgarian)
- [Kel'siev, V.], 1875. Study on Old Believers in Dobrudja. In: N. Strakhov, ed., 1875. *Slavic bulletin*. Saint Petersburg: Izd. Peterb. otd. Slavianskogo kom. Vol. 1, pp. 605–620. (In Russian)
- Korolenko, P. P., 1900. Nekrasov Cossaks. In: V. Sysoev, A. D'iachkov-Tarasov, eds, 1900. *Proceedings of the society of lovers of studying of the Kuban region*. Yekaterinodar: Tipografia Kubanskogo Oblastnogo Pravleniia. Issue 2, pp. 1–74. (In Russian)
- Kritska-Ivanova, E. F., 1977. Observations about wedding folklore of Russians in villages Kazashko of Varna region and Tataritsa of Silistra region. *Bulgarski folklor*, 2, pp. 44–51. (In Bulgarian)
- Kritska-Ivanova, E. F., 1989. Typology and evolution of Russian wedding ceremony and folklore in Bulgaria (villages Tataritsa and Kazashko). In: M. M. Gromyko, T. A. Listova, eds, 1989. *Russians: family and common life*. Moscow: Nauka, pp. 198–221. (In Russian)
- [Liprandi, I. P.], 1827. *Some materials about the right bank of Danube collected in 1826*. Saint Petersburg: Tip. Gen. Shtaba. (In Russian)
- Markdorf, N. M., 2021. The Fates of Soviet War Prisoners — Members of the European Resistance Movement. *Historical Courier*, 3 (17), pp. 64–172. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-3-18> (In Russian)
- Mel'nikov, V., 1909. Resettlement of Old-Believers. (From report of the representative of the conference of congresses). *Cerkov'. Staroobriadcheskii cerkovno-obshchestvennyi zhurnal*, 49, pp. 1368–1370. (In Russian)
- Polyan, P. M., 1999. Repatriation of Soviet citizens from France and French occupation zones in Germany and Austria. In: V. A. Vsevolodov, ed., 1999. *Tragedy of war — tragedy of captivity: collection of materials of the scientific-practical conference devoted to the 55th anniversary of constitution of the anti-fascist organization of prisoners of war in USSR and to the problems and perspectives of development of the museum "Tragedy of captivity", 1–2 October 1998*. Moscow; Krasnogorsk: Memorial'nyi muzei nemetskikh antifashistov, pp. 174–197. (In Russian)

- Prigarin, A. A., 2004. Russian Old Believers in Bulgaria: new materials on the history of descendants of Nekrasovtsy and Lipovans in Dobrudja. In: V. I. Osipov, ed., 2004. *Old Belief: history, culture and contemporaneity*. Moscow: Muzei istorii i kul'tury staroobriadchestva. Issue 10, pp. 29-35. (In Russian)
- Prigarin, A. A., 2010. *Russian Old Believers on Danube: formation of the ethno-confessional community in the end of XVIII — first half of XIX centuries*. Odessa; Izmail; Moscow: Smil; Arkheodoksiia. (In Russian)
- Prigarin, A. A., 2024. Return to the Homeland: the resettlement of Russians to the RSFSR in 1946–1949. In: M. K. Yasmenko, Yu. V. Erokhina, O. V. Pustozerova, D. I. Eremkin, R. Sh. Shafikova. *The image of the Motherland: content, formation, actualization: Materials of the VIII International Scientific Conference, Moscow, April 19–20, 2024*. Moscow: MHPI, pp. 520–528. (In Russian)
- Prigarin, A. A., Fedorova, A. I., 2022. *Russian Old-Believers of Odessa: ethno-confessionality in the conditions of multicultural city*. Riga: Arkheodoksiia, 2022. (In Russian)
- Reshetnikov, S. V., 2023. Repatriation of Soviet Citizens and Soviet Partisans of the French Resistance from France to the USSR. *Modern History of Russia*, 13 (3), pp. 745–758. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.313> (In Russian)
- Romanska, Cv., 1959. Folklore of Russians-Nekrasovtsy from village Kazashko, Varna region. *Godishnik na Sofiskiia universitet. Filologicheski fakultet*, LIII (2), pp. 493–614. (In Bulgarian)
- Romanska, Cv., 1960. Some ethnographic features of village Kazashko, Varna region and of Russians-Nekrasovtsy who live there. In: V. Georgiev, ed., 1960. *Linguo-ethnographic studies in the memory of academician Stoyan Romanski*. Sofia: Bulgarska akademiia na naukite, pp. 563–589. (In Bulgarian)
- Romanska, Cv., 1960. Fishing of Russians-Nekrasovtsy of village Kazashko, Varna region (contribution to the ethnographic study of our Black Sea fishing. *Godishnik na Sofiskiia universitet. Filologicheski fakultet*, LIV (1), pp. 353–446. (In Bulgarian)
- Romanski, St., 1915. Ethnographic map of new Roumanian Dobrudja. *Spisanie na Bulgarskata Akademiia na naukite*, XI, pp. 7–126 (In Bulgarian)
- Sheviakov, A. A., 1994. Repatriation of the Soviet civilians and prisoners of war, which fell within the occupation zones of the states of anti-Hitler coalition. In: Iu. A. Poliakov, ed., 1994. *Population of Russia in 1920–1950: number, losses, migrations*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 195–222. (In Russian)
- Skal'kovskii, A. A., 1844. Nekrasovtsy, living in Bessarabia. *Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del*, 8, pp. 61–82. (In Russian)
- Smirnov, I. V., 1986. Nekrasovtsy. *Voprosy istorii*, 8, pp. 97–107. (In Russian)
- Smirnov, Ya. I., 1896. From the voyage to Asia Minor. With Nekrasovtsy on the island Mada on the Lake Beyşehir of The Sanjak of Hamid-abadag, Vilayet of Konya. *Zhivaia starina*, 1, pp. 3–31. (In Russian)
- Steinke, K., 1990. *Die russischen Sprachinseln in Bulgarien*. Heidenelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Todorova, N., Dimitrova, Str., eds, 1988. *History of Dobrudja*. Sofia: Izd-vo BAN. Vol. 3. (In Bulgarian)

-
- Uzeneva, E. S., 2016. “By the way we speak Lipovan...”. *Slavic Studies*, 6, pp. 45–57. (In Russian)
- Volkova, N. G., Zasedateleva, L. B., 1986. Nekrasov Cossacks: main stages of the ethnic development. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*, 4, pp. 44–54. (In Russian)
- Zemskov, V. N., 2013. “Returnees” and “defectors”: the fate of Soviet displaced persons in 1944–1956. In: A. N. Sakharov, ed., 2013. *History and historians: historiographic bulletin, 2011–2012*. Moscow: Nauka, pp. 90–107. (In Russian)
- Zemskov, V. N., 2013. The returning of Soviet displaced persons to the USSR. 1944–1952. In: Iu. A. Petrov, ed., 2013. *Works of the Institute of Russian History of RAS*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN. Issue 11, pp. 244–284. (In Russian)